

Олег взбежал по старой скрипучей лестнице на второй этаж родного факультета. Зданию было без малого сто пятьдесят лет. Раньше здесь располагалась конюшня графа Воронцова. После революции достроили второй этаж, а затем и третий. Ну а в конце концов — отдали университету. Как говорил декан: «Это кухмистерская: раньше кони сено жевали, теперь студенты науку грызут». По-хорошему, это строение давно следовало снести, но полустертая табличка «Памятник архитектуры. Охраняется государством» не давала руководству ни университета, ни города сделать хоть что-то приемлемое с похожим на потрепанный папирус домом.

Лестница была узкая, коридоры такие же, аудитории — мелкие. Ни пройти ни проехать! Еще и первокурсники у сто двадцатой аудитории столпились.

Древний Восток сдают, несчастные. Все место заняли. — Олег протиснулся сквозь толпу. — Ух! Ну и вонища! Неужели я на первом курсе был таким же ароматным?

Олег с трудом добрался до деканата:

— День добрый, коллеги! Будьте любезны.

Стайка первокурсниц, склонившихся над конспектами, глупо захихикала и тут же потеснилась, пропуская первого красавца исторического факультета к двери.

В крошечной приемной, размером с кофейный островок в соседнем ТЦ, раздавался мерный стук клавиш. Оля Синичкина, секретарь и одноклассница Олега, сидела за старым компьютером и сосредоточенно что-то печатала. От усердия она высунула кончик языка, прикусив его. Олега всегда удивляло — как можно так уходить в работу и не контролировать себя?

— Оленька, привет! — Олег на секунду замер и окинул девушку взглядом: чуть полноватая, щербатая, с кривой челкой, в очках с жуткой оправой, но в идеально выглаженной голубой блузке. Не девушка, а парадокс.

— Олег! — Она едва заметно улыбнулась и опустила взгляд. Схватила ручку и вставила в карандашницу. Но так сильно надавила, что та перевернулась, и ручки, карандаши и маркеры попытались сбежать от раскрасневшейся Оли.

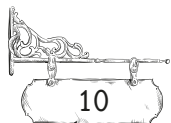
Олег едва сдержал улыбку и кашлянул, привлекая внимание.

— Оленька, ты сегодня потрясающе выглядишь! Новая блузка? — Девушка еще больше засмушалась и смахнула пылинку с воротничка, а Олег кивнул в сторону двери, ведущей в кабинет декана. — У себя?

Оля кивнула:

— Ага, ты проходи. Он один. — Она смотрела на него с глупым обожанием.

Где-то глубоко в душе у Олега шевельнулась порядочность: неправильно это, флиртовать, обещать сходить в кино, но так и не пригласить. Зато регулярно пропущенные лекции переписывать.

Да ладно, переживет! — Олег отмахнулся от нехоти проснувшейся совести и зашел в кабинет декана.

Пару секунд он наблюдал за стариком Герценом. Тот что-то искал на книжных полках. Олег задумался: Герман Генрихович, или, как его за глаза называли студенты, Герыч, был высоким, сутулым и, казалось, высушенным солнцем в различных археологических экспедициях стариком. Сколько ему лет, никто точно не знал. Но поговаривали, что Герыч то ли из первого, то ли из третьего выпуска истфака. Конечно, это были бредовые сплетни и верить в них весьма странно. Все знали, что универ, а вместе с ним и истфак, основали в 1918 году. Ну не мог профессор Герцен оказаться таким древним. Столько не живут!

Олег деликатно кашлянул, и декан повернулся.

— О, Алин, голубчик! Заходите. — Профессор пожал Олегу руку и сел за стол.

— Герман Генрихович, на улице такая жара. Как себя Любовь Павловна чувствует? — Олег с участием посмотрел на декана.

Это не было игрой. Олег очень хорошо знал жену декана. На первом курсе она преподавала у него библиографию, а потом сильно сдала — часто поднималось давление, мучила постоянная слабость. Один раз Любовь Павловна даже упала в обморок во время пары.

Герыч грустно улыбнулся и аккуратно поправил на столе рамочку с фотографией жены.

— Ничего, Олег, потихоньку. Вчера вывез ее с внуками на дачу. Пусть воздухом свежим подышат.

— Привет ей передавайте.

— Обязательно. Вы мне лучше вот что скажите: когда диплом на подпись принесете? У вас же все готово?

Олег нервно сглотнул, но широко улыбнулся и бодро ответил:

— Почти готово. Остались последние правки. Я к вам поэтому и зашел.

— Н-да? — Герцен поправил на носу очки с толстыми стеклами.

— Можно я чуть позже работу сдам? Скажем, через неделю?

Неожиданно дверь кабинета открылась, и вошла Оленька. Олег заметил, что декан задержал взгляд на подносе, на котором стояли черный керамический заварочный чайник и такое же блюдо с двумя скукоженными зефирками. На лице Герыча появился немой вопрос: а это еще зачем? Он перевел взгляд на Олега, хмыкнул и понимающе улыбнулся. То, что Оля уже четыре года влюблена в Алину, знали все на факультете — и студенты, и преподаватели не раз подшучивали над ним по этому поводу. Наверняка и декан все понимал.

Олег поблагодарил Олю, взял чашку и тут же сделал глоток. Терпкий зеленый чай с жасмином — его любимый. Но Оля совершенно не умела его правильно заваривать. Каждый раз у нее получался не чай, а какая-то медицинская настойка, от которой только сводило скулы.

— Кх-х-х! — Олег закашлялся и вернулся к прерванному разговору: — Понимаете, я не успел доделать.

Декан отхлебнул чай, тоже поморщился и посмотрел на Олега из-под очков.

— И что же вам помешало, молодой человек? Уж не весна ли, часом?

Олег опустил взгляд в чашку и приготовился вытащить из рукава своего любимого *джокера*, который всегда срабатывал.

— Герман Генрихович, я никому не говорил, — его голос дрожал, — даже Васильеву. Но я снова искал мать... Ну а потом еще работа.

— Так-так? — Декан достал зеленый клетчатый платок из кармана брюк, снял очки и протер.

— Я не успел внести правки. В Нижний ездил. Она там живет.

Олег встал со стула и прошелся по кабинету, остановился у окна и посмотрел на парк, в центре которого и располагался корпус исторического факультета.

Совість снова попыталась поднять голову, но Олегу было не до этого. Мама пропала сразу после его рождения, а отец погиб, когда сыну едва исполнилось три. Воспитывала Олега бабушка. Он смутно помнил отца. В памяти осталось только чувство радости и счастья, когда тот нес его на плечах. И еще, может быть, улыбка. Когда отец смотрел на сына и улыбался, казалось, что Олег — единственный в мире, самый главный человек во вселенной. Олег Алин — лучший! Теперь, спустя много лет, когда он смотрел в зеркало, то видел ту самую улыбку.

Олег еще немного помолчал и добавил:

— Она такая... Знаете, я пригласил ее на защиту.

Профессор сделал глоток чая — даже не поморщился! — пальцами вытер уголки губ и вышел из-за стола.

— Олег, мальчик мой! Это же чудесно! — Он порывисто, пылко тряс его руку. — Хорошо, можете защищаться вместе с заочниками. Поговорю с вашим рецензентом — он с моих слов напишет отзыв. Идите, занимайтесь. Это чудесно! Чудесно!

Олег кивнул, приложил руку к груди и коротко поклонился в знак благодарности.

— Вот паяц! — с нежностью в голосе буркнул декан. — Иди уже.

Когда Олег закрывал двери и прощался с Оленькой, упрямая совесть снова зашевелилась. Да, стыдно было старика обманывать и врать про встречу с мамой. Декан сделал

многое для Олега: поселил в общежитии, перед археологической практикой подарил старую палатку, заступился перед социологичкой-истеричкой, когда та хотела тройбан влепить. Он даже прогулы иногда прикрывал — понимал, что на одну стипендию сирота не выживет — значит, надо работать. Только о том, что, кроме уборки лестниц в родной общаге, у него есть дополнительный заработок и какой именно, Олег не рассказывал.

Олег тряхнул головой и отогнал ненужные мысли. Сейчас надо думать о том, где найти деньги. Вчера Валерик, сосед по комнате, так увлекся с Катькой, что уронил ноут. Его, Олега, ноут! Ноут, на котором хранились готовый диплом, все курсовые, лекции, книги и фотки за четыре года учебы. Да там вся его жизнь была! Не просто на пол уронил, а с подоконника на улицу скинул! Так, что вытянуть данные невозможно. Теперь Олег срочно должен придумать, где найти деньги на покупку готового диплома. Нет, можно, конечно, напрячься и постараться вспомнить, о чем писал, пробежаться опять по библиотекам и архиву, но за неделю он этого не сделает. Хорошо, что знакомый из аспирантуры обещал помочь. Правда, он сумму запросил космическую, но обещал готовую работу через три дня — целых девяносто процентов антиплагиата. Да у Олега самого больше семидесяти пяти не получалось!

Надо срочно найти деньги, иначе...

Иначе без диплома бакалавра он не поступит в магистратуру и останется без общежития. Своей квартиры у него нет, как, собственно, и родных...

При этой мысли перед глазами возникла высокая светловолосая женщина в возрасте. Старушкой ее назвать язык не поворачивался. Стройная, элегантная, с идеальной прической и без макияжа — его бабушка.

Четыре года, как она пропала. Ушла и не вернулась. Не стало единственного родного человека на свете. Сандра

Селарина — двоюродная тетка матери. Когда отец погиб и возник вопрос, что же делать с Олегом, она забрала его к себе. Сандра всю жизнь прожила одна. Отчего так вышло — не говорила. Зато рассказывала много о его родителях. Какая смешная мама была в детстве, как она познакомилась с папой, каким тот был смелым и красивым. Так Олег и прожил пятнадцать лет в двухкомнатной «распашонке» на втором этаже старой пятиэтажки: бабуля, он и черно-белая кошка с рыжим хвостом и пятнышком на лбу в виде звезды. Ковер с оленями на стене, красный продавленный диван, громоздкий коричневый лакированный стол, который был больше похож на свалку книг и тетрадей, чем на рабочее место школьника, — вот и все, что украшало комнату Олега. У бабушки интерьер был еще более аскетичным: сервант, кресло с торшером и низкая тахта.

Как-то на первом курсе, в начале сентября, Олег пришел после лекций, и бабуля сразу усадила его за стол на кухне, налила зеленый чай с жасмином и достала круассаны, которые всегда покупала в ближайшей булочной. Вот всем она была хороша, но не пекла и не кашеварила, как другие бабушки, поэтому Олегу приходилось питаться полуфабрикатами.

— Олеша, помнишь, когда ты был маленький, я тебе рассказывала о других мирах? — Только бабушка так сокращала его имя. Но ему даже нравилось — он чувствовал особую связь с ней.

Он откусил круассан и сделал большой глоток чая. Аромат жасмина защекотал нос, а чай согрел горло.

— Угу, но это ж были сказки.

— Как знаешь, милый.

Она поправила светлые волосы, собранные в аккуратную ракушку, в задумчивости провела пальцем по татуировкам-звездочкам, рассыпавшимся по обеим сторонам ладони.

Звездочки — это был еще один повод гордиться бабушкой. У всех одноклассников мамы-бабушки были дико зажатыми, а у его бабули — татушки на руке. Не фантастика ли?

Бабушка внимательно взглянула на Олега. Всегда, когда она так смотрела, внутри все переворачивалось — значит, его ждал сложный разговор.

— Так вот, милый, пришел мой срок. Скоро я покину этот мир и уйду в другой.

— К-ха, к-ха... — Олег подавился чаем и не мог откашляться. Покинет этот мир?! — Ба-а!

Он вскочил со стула, не заметив, что тот с оглушительным грохотом упал, и подскочил к бабушке, сжал ее плечи и заглянул в глаза. Она была чуть ниже Олега, а его рост уже тогда перевалил за метр девяносто.

Бабушка с нежностью взлохматила ему волосы, улыбнулась и аккуратно освободилась из рук.

— Все хорошо. Так надо, ты не волнуйся. Со мной все в порядке, но я больше о тебе беспокоюсь. Тебе надо получить обещание — так удобнее будет на лекции ходить, не надо через весь город мотаться. Обещай, что будешь хорошо учиться. — Бабушка взяла его за руку. — Это важно! Иначе...

Что она говорила дальше, он не слышал — в душе царили смятение и тревога. Бабушка не впервые говорила, что однажды покинет этот мир. Олег привык считать эти разговоры обычными старческими бреднями. В школе математичка так же говорила: «Я не доживу до вашего выпускного». Но всегда после таких разговоров с бабушкой глубоко в душе поселялись тревога и беспокойство.

Утром, когда Олег проснулся, бабушки дома не оказалось. Он сходил в институт, вернулся, но ее по-прежнему не было. Когда бабушка не появилась ни вечером, ни на следующий день, Олег бросился в ближайшее отделение полиции.

Заявление приняли, но тихо намекнули, что надежды мало — скорее всего, ее не найдут.

Прошло три месяца, приближался Новый год. От полиции не было никаких новостей, дом стал пустым и унылым. Даже любимая кошка бабушки пропала следом — ушла через неделю и не вернулась. Олег сидел на кухне и пил зеленый чай с жасмином. Неожиданно раздался звонок в дверь.

Он вздрогнул. Кто мог заявиться в субботу в девять утра? Крохотная, почти погасшая искра надежды на то, что вернулась бабушка, вспыхнула с новой силой.

На лестничной клетке стоял неизвестный мужчина в черных джинсах и серой куртке.

Незнакомец отпихнул Олега и ввалился в квартиру. По-хозяйски осмотрелся, не снимая обуви, прошелся по комнатам. Олег запаниковал, схватил зонт-трость и попытался выпроводить мужчину, но тот заговорил о бабушке, аренде квартиры, задолженности и выселении. Мужчина выдал длинную тираду, не дал Олегу вставить ни слова, вложил в руки бумаги и ушел, громко хлопнув дверью. Когда Олег пришел в себя и прочел документы, которые оставил незнакомец, его ладони взмокли, футболка прилипла к спине, сердце от страха заколотилось как сумасшедшее. Оказалось, что квартира, в которой он прожил почти всю жизнь, им с бабушкой не принадлежала — они ее снимали. Даже регистрацию имели лишь на основании договора найма. С сентября, как пропала бабушка, ежемесячные платежи перестали поступать. Хозяин, а приходил именно он, согласился использовать депозит в счет октября. Но ноябрь и декабрь необходимо было оплатить к следующему воскресенью. В течение той же недели и квартиру надлежало освободить.

Олег за неделю так и не смог найти деньги и новую квартиру или, на худой конец, комнатушку.

В понедельник в семь утра в дверь квартиры постучали. Субботний незнакомец — Окишев Александр Юрьевич, если судить по договору аренды, — приехал за долгом вместе с тремя друзьями. Они были вежливы, но настойчивы. Помогли Олегу собрать вещи и подвезли в институт.

— Ты это, не серчай, малец. Сам должен понимать, у меня бизнес. Я не могу вечно в благотворительности всякие играть. — Окишев похлопал его по плечу и сунул в руку несколько смятых купюр.

Благодаря научному руководителю, по совместительству декану, Олег получил регистрацию, место в общежитии и даже работу. И вот теперь относительно спокойная жизнь опять была под угрозой...

Олег глубоко вздохнул. За тяжелыми воспоминаниями не заметил, как дошел до общежития. В комендантской сидела невысокая пухлая женщина со светлыми волосами, слегка отличающимися розовым. Она выглянула из окошка и приветливо помахала Олегу.

— Доброго дня, НинПетровна, — Олег поздоровался с «комендой» и направился к себе. В голове пульсировала мысль: где найти деньги?

Еще подходя к общежитию, Олег решил сперва выпить чаю, перекусить, а потом все обдумать. Но уже в коридоре уловил аромат дыни: значит, сосед не один. Открыл дверь и чуть не снес с ног Катерину, девушку Валерика. Она протиснулась мимо и глупо хихикнула:

— Ой, Олежик, привет! Я уже убегаю. Пока, мои котики. — Она послала Олегу и Валере, оставшемуся в комнате, воздушный поцелуй и упорхнула.

Катерина слегка раздражала Олега. За ее обучение платили родители. Они же гаджеты покупали, новые шмотки,

а Катька едва с тройки на тройку переваливалась. Ничем, кроме соцсетей, не интересовалась.

Вот Ева, девушка Олега, — другая. Ролевик (именно на ролевках они и познакомилась), занималась спортивным ориентированием, в театры и музеи на выходных ходила. Как они с Катей умудрились быть лучшими подружками — Олег понять не мог.

Олег закрыл за Катей дверь. Небольшую комнатушку, которую они все четыре года делили с Валерием Васильевым, заволокло дымом, как в общественной парной в вечер пятницы. Валерик с Катей завели дурную привычку куритьальян после лекций. Олег почти ощущал на губах привкус дыни и шоколада — любимой смеси Катерины.

— Фу! Надымили кругом! — Олег открыл окно.

Валера развалился на кровати и протянул:

— Ну не нуди, а? Как там твой Герыч? Че сказал? — Несмотря на расслабленную позу, в глазах друга застыла настороженность. Он уже раз сто попросил прощения за то, что ушатал ноут. Валера даже предложил половину денег за готовый диплом — неслыханная щедрость с его стороны.

Олег оседлал стул и ответил, что декан дал отсрочку.

— А че ты все еще в напряге? Че, собсна, не так? — Валера заметно повеселел.

Олег уставился на него. Нет, ну как он с такой логикой до диплома дотянул?

— Вале-ерик! Да что ты как азинус! Не тормози! Где мне еще десять тысяч найти? — В душе заворчалось раздражение.

Валера вскочил и тут же набылчился:

— Азинус... Хватит своей латынью выпендриваться. Помочь хочу. Вот. Мысля есть: кредит нужно взять.

— Азинус — это просто осел. А кто ты, как не осел? Ноут мой разбил... И кредит не вариант, — тут же ответил Олег.

— А че?

— Я же только две недели назад байк в кредит взял. — При мысли о новом велосипеде, хранящемся под замком в кладовке у коменданта, стало веселее. Олег несколько лет мечтал о нем, копил деньги на первый взнос. И вот две недели назад купил. Черный красавец «Формик» с гидравлическим тормозом и двадцать одним дюймом рамы, легкий, шоссейный — просто идеальный! Олегу захотелось плюнуть на все, вскочить в седло и крутить педали до изнеможения. — Пока первый платеж по кредиту не сделаю, новый не дадут.

— А-а-а. — Валера в задумчивости сел на краешек кровати и через пару секунд выкрикнул: — Точняк! Байк!

— Даже не думай, — процедил Олег. — Не продам!

Валера пожал плечами и устался в точку на стене. Несколько минут в комнате слышались лишь приглушенные разговоры соседей за стеной.

Из задумчивости Олега вывел тихий голос Валеры:

— А у Кислого, собсна, вечером игра.

— И что? Меня это больше не касается.

От мыслей о покере пальцы приятно закололо. Олег любил играть. Ему нравилось, как упругие, хрустящие прямоугольнички карт быстро перемещаются в его ловких руках. Нравилось слышать их шелест и наблюдать мельтешение. Олег иногда даже ловил себя на мысли, что карты — это его способ медитации.

— Олег, ну последний раз-то можно? — не то спрашивал, не то утверждал Валера. — И Ева твоя ничего не узнает. — Он широко распахнул глаза и добавил: — Зуб даю!

В душе медленно разрастались два монстра. Они рвали Олега пополам. Один, влюбленный, не желал нарушать слово, которое дал девушке. Второй, невероятно везучий карточный игрок, хотел снова взять в руки колоду, ощутить прохладу карт и шероховатость зеленого покерного сукна. Что же делать?

— Не хочу врать Еве! Если она узнает, что я опять играл, уйдет.

— А ты, собсна, не ври. — Валера лукаво улыбнулся. — По звони, Расскажи, что играть будешь вечером. У меня на компе, не на деньги. — Он подмигнул. — И правду скажешь, и совесть чиста.

Из-за стены послышался восторженный девичий визг, а через пару секунд донесся голос неизвестной певички. Она пела, не попадая в ноты: «Я могу делать все, что я хочу. Я могу делать все, что я хочу»*.

Валерик картинно поднял руки:

— Алин, это знак! Решайся!

Олег достал телефон и набрал Еву.

Макс Кисленко, он же Кислый, гигант-самбист, снимал большую студию недалеко от универа: на двадцати четырех квадратах размещались микроскопическая кухня, барная стойка, диван и узкий письменный стол, большую часть которого занимал огромный монитор. Каждый раз перед игрой Кислый расстилал зеленое сукно перед диваном — неудобно, но по-другому никак, — и все участники садились в круг. Само полотно не было обязательным элементом покера, но Кислый не раз говорил, что без него ощущения не те.

Когда Олег приехал, игроки стояли на кухне и болтали. Болельщики, девушки и просто приятели расположились на диване, пуфах и табуретках.

* Алена Roxis. Я могу делать все, что я хочу [Гуру Песен]. — Режим доступа: <https://pesni.guru/text/алена-гоxis-я-могу-делать-все-что-я-хочу>. — Заглавие с экрана.

— Вот так люди!

Олег замер. Этот противный голос с едва заметными визгливыми нотками он узнал бы из тысячи.

— Чернов! — процедил Олег и обернулся — перед ним стоял невысокий смазливый парень, Саша Чернов. Он крутил в руках последний «Айфон» и постоянно поправлял «Эпл Вотч» на запястье.

— Алин! — Он снисходительно оглядел Олега. — Ты, как всегда, весь в обносках. Правитель оборванцев. Поломойка! — Приятели Чернова заготовали. — Как Ева? Вспоминает меня?

— Такие, как ты, в памяти не задерживаются. — Внутри Олега поднималась холодная ярость. Кончики пальцев привычно покалывало. Так было всегда, сколько он себя помнил, стоило разозлиться или войти в азарт.

Как этот скот смеет говорить о Еве?

Ева ясно дала понять, что между ними ничего не будет, а он напал на нее. Напал в тупиковом коридоре, хватал за руки, орал, что ей еще повезло, что он, Саша, обратил на нее внимание. Ева облила его кофе, забежала в ближайшую аудиторию, придвинула к двери парту и набрала Олега — хвала быстрому набору! Когда Олег услышал крики пьяного Чернова вместо голоса любимой, страх за нее накрыл с головой. Олег прислушался: Ева кричала что-то о хранилище, а Чернов — о том, что с ней сейчас сделает. Олег со всех ног помчался на помощь. Успел вовремя, Ева не пострадала. Он предлагал ей написать заявление о нападении и попытке изнасилования, но та отказалась и попросила больше никогда не вспоминать этот кошмар. Все это случилось пару месяцев назад. Вроде бы Чернов перестал явно приставать к Еве, но нет-нет да поддергивал Олега.

— Эй, Принц! Не зарывайся! — Чернов подскочил к нему, задрал голову и пристально посмотрел в глаза. Они буравили

друг друга взглядом несколько секунд, пока приятели Саши не отозвали того в сторону.

Кислый окликнул ребят, и игроки расселись вокруг сукна. Началась игра!

В тот вечер Чернову не везло: он уже просадил фишки и потратил все наличные на докуп новых. Но вот Саша снял часы — верный признак, что ему пошла карта — и с трудом прятал торжествующую улыбку. Олег остался с ним один на один: остальные уже сказали: «пас».

На полотне лежали четыре карты: король бубен, дама треф, туз и пятерка пик. Олег как раз стал дилером. Улыбнулся Чернову и подмигнул, три раза постучал по колоде и выложил последнюю карту:

— Десятка бубен. — Он внимательно следил за реакцией Саши. Тот выпрямил спину, сощурился.

Ха! Пытается считать. Ну попробуй, что тут скажешь.

Олег подождал еще немного.

— Ну что, вскрываемся? — В висках стучал молот азарта, голова ясная, голос чуть хриплый от волнения.

— Да, я первый. — Руки у Саши подрагивали, похоже, он предвкушал победу. Он медленно открывал карты, приговаривая: — Вот тебе туз бубен, вот двойка бубен, а это шестерка. Да-да, тоже бубна! Флеш! Ну как тебе?

Олег молча смотрел на его карты. Поднял взгляд и увидел счастливую улыбку. А вот глаза... Да он боится! Боится проиграть! Олег хмыкнул и медленно начал открываться:

— Ну а у меня лишь туз и пятерка черви. Ах да, еще туз треф. — Он не отрываясь смотрел в глаза Чернова. Зрачки мерзавца расширились, взгляд наполнился удивлением, которое сменила ярость. Олег едва улыбнулся. — Это, кажется, фулл-хаус?

Чернов вскочил.

— Да ты офонарел?! — крикнул он и бросился на Олега. Кислый был бы не Кислый, если бы не остановил Чернова. Макс выставил руку и удерживал того некоторое время.

— Так бывает. — Олег меланхолично пододвинул к себе банк и принялся аккуратно сортировать фишки.

Чернов ругнулся и резко наклонился к Олегу. Так низко, что тот рассмотрел, как карие глаза негодя сузились и почти почернели, а желваки напряглись. Сердце Олега сжалось от дурного предчувствия, но он вздернул бровь и с насмешкой уставился на Сашу.

— Я это так не оставлю! — Чернов выплюнул угрозу и выскочил за дверь.

Банк оказался приличным — хватит и на диплом, и на подарок Еве. Олег отсчитал деньги Кислому — с каждого выигрыша он получал пять процентов: за предоставление помещения, карт, сукна, фишек и обеспечение, как сегодня, мира и порядка.

Будильник прозвенел в пять утра, как и всегда по средам. Олег наскоро умылся, надел тренировочный костюм и тихо выскользнул из комнаты. Валерик еще спал, а Олега ждал железный конь в кладовке у НинПетровны.

Олег забрал велосипед и вышел на улицу. Солнце воровато выглядывало из-за угла ближайшей девятиэтажки. Прохладный воздух проникал сквозь спортивную куртку и коллол кожу.

Как хорошо утром!

Тишина, машины еще не успели накоптить. Даже торговцы с соседнего овощного рынка мирно посапывали в кабинках газелек. Олег вскочил в седло велосипеда и медленно,

наслаждаясь утром и поездкой, направился в парк. Уже год Олег трижды в неделю вставал в пять утра, чтобы проехать пять-десять километров перед занятиями. Сперва катался на велосипеде однокурсника, но недавно купил собственный.

Олег крутил педали и размышлял о том, что через пару часов должен отдать деньги за диплом. Он вспомнил вчерашнюю игру.

Ух, ну и физиономия была у Чернова, когда я ему фулл-хаус выложил!

В душе поселилось приятное удовлетворение, впрочем, как и всегда после удачной игры. Нахлынули воспоминания — еще четыре года назад Олег не знал, что такое *тexasский холдем*, и был приличным мальчиком. Но однажды Валерка, новый сосед по общежитию, притащил его к Кислому на игру. В тот вечер Олег ушел с первой выигранной тысячей. Азарт вскружил голову — Олег не мог спать, не мог готовиться к семинару. Да он даже не мог вспомнить, чем закончился сериал «Во все тяжкие». Вроде смотрели вместе с Валериком, но все прошло мимо! Утром, работая за гроши и вымывая коридоры общежития, Олег думал об одном — если приложит немного усилий, то получит все, что заслуживает. Нет, профессиональным шулером он стать не стремился, просто хотел жить красиво и спокойно. Несколько недель Олег потратил на изучение покера, его видов, тренировки счета карт и ловкости рук. Ему всегда удавалось быстро запоминать именно движения рук. А еще во время игры иногда появлялась странная уверенность в том, везет противнику или нет. Будто бы он чувствовал те же эмоции, что и они.

Так он стал игроком. Играл со студентами: иногда на интерес, но чаще на деньги. Сперва боялся хитрить, применять уловки, подсмотренные в интернете, все думал, что ребята поймают и наваляют. Уверял себя, что это временно. Вот

найдет работу и перестанет играть. Но ему везло! Временами казалось, что какие-то высшие силы помогают ему и подкладывают нужные карты, а иногда приходилось жульничать, чтобы забрать банк. Он так увлекся, что чуть не проиграл ноут. Да-да, бывали и темные деньки. Но вчера Олегу крупно повезло! Теперь все хорошо — диплом будет спасен, Ева простит.

Солнце поднималось выше и согревало все вокруг. Велосипед шуршал по гравию парковых дорожек, и Олег снова подумал о Еве.

Ей не нравилось, что ее парень играет. Нет, дело не в покере, а в том, что она волновалась за него — говорила, рано или поздно его накажут за жульничество. Но как не жульничать, если он хочет выиграть? Олег скрепя сердце согласился и перестал играть, и вот вчера нарушил обещание... В груди разлилось чернильное пятно стыда.

Олег выехал из парка и двинулся вдоль трассы в сторону водохранилища. Дорога была пустая, ветер свистел, едва уловимые ароматы поздней сирени быстро исчезали.

Вдруг за спиной он услышал гул мотора. Оглянулся и чуть не свалился с велика — за ним ехал тонированный внедорожник с именовым номером «Черный». Предчувствие беды накрыло с головой — машину Чернова не узнать было сложно. Олег прижался к обочине и ускорился. В зеркале заднего вида заметил, что машина вильнула и поехала быстрее. Руки вспотели, а сердце сделало кульбит. Олег ехал так быстро, как только мог. В горле пересохло, в ушах стоял шум: от гула мотора или страха — неизвестно. Вдруг машина взревела. В следующий миг сильный толчок выкинул Олега из седла. Он сцепился в руль, как русские в Москву осенью сорок первого, но тот все равно выскользнул. Голова дернулась, визг тормозов, и секундная боль резкой огненной стрелой промчалась по телу и исчезла...